

УДК 82.09

Л.В. ПАСЬКО,
*кандидат філологічних наук,
доцент Центра наукових досліджень і преподавання
иностраних мов Національної академії наук України (г. Київ)*

СПОСОБИ ОТОБРАЖЕННЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНФЛИКТА В РОМАНЕ МАЙКЛА ШЕАРЫ «АНГЕЛЫ УБИЙЦЫ»

В статті йдеться про одну з основних особливостей в розвитку епічної структури історичного роману 70–80-х гг. минулого століття, пов'язаної з тенденцією до розвитку так званого «центростремительного» типу оповіщення, посиленню в ньому особистого початку, коли окрема особистість стає суб'єктом історії, її головним суддею. Ця тенденція аналізується на прикладі роману американського письменника Майкла Шеары «Ангели убийцы», який у 1975 г. був удостоєний Пулітцерівської премії.

Ключові слова: центростремительное оповіщення, історична особистість, епічна структура, документ, жанрова модифікація.

Нам всім добре відомі ставші крилатими рядки з віршів С.А. Есеніна «Письмо к женщине»: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии». Їх іносказательний зміст зводиться до того, що істинна значимість якого-небудь події або явища усвідомлюється нами лише по прошестві визначеного часу [1]. Ці слова в повній мірі характеризують долю історичного роману Майкла Шеары «Ангели убийцы» (1974), присвяченому найбільшій битві в історії Гражданської війни в США, битві при Геттисберзі.

Автору відмовили 15 видавств, а коли Девід МакКей все-таки погодився опублікувати роман, його тираж склав всього 3 500 екземплярів [2], що виключало можливість вийти на велику читальську аудиторію. І хоча Пулітцерівський комітет єдиногласним рішенням присудив М. Шеару премію в області літератури за 1975 г., при його житті М. Шеару роман не мав комерційного успіху.

Деякі дослідники намагалися осмислити цей феномен [2–5] і дійшли до висновку, що роман «Ангели убийцы» вийшов в світ в невідповідний для його теми час. Битва при Геттисберзі, яка була найбільш кровопролитною за всю історію Гражданської війни в США, принесла життя близько 50 000 осіб, южан і північян. А в 1974 г. війна в В'єтнамі вступила в свою завершальну, найжорстокішу фазу, викликаючи все більше протидії в усьому світі. А це, погодьтесь, не найкращі обставини для того, щоб роман про війну знайшов відгук у читачів [2]. Підтвердженням правильності цієї версії служить і той факт, що коли через п'ять років після смерті автора американський режисер Тед Тернер, надихнутий творчістю М. Шеары, зняв на його основі фільм «Геттисберг» (1993), його подивилися більше 30 мільйонів глядачів. Він отримав захоплюючі відгуки, а сам роман на довгий час очолював списки бестселлерів і був перевидає 15-мільйонним тиражем.

Обравшись в своєму романі до однієї з епізодів Гражданської війни, передбачивши її кінець, М. Шеара побачив в цій темі відгуки проблем, потряслих націю в передшестові десятиліття. Проблема рабства і сегрегації, жорстокі катаклізми 60-х гг. ХХ ст., війна в В'єтнамі і кровопролитна битва при Геттисберзі – все це представлялося письменнику конкретно-історичними явищами одного порядку.

Одна из главных особенностей эпической структуры исторического романа М. Шеары связана с тенденцией к развитию в литературе «центростремительного» повествования, усилению в нём личностного начала, когда отдельная личность предстаёт субъектом истории, её главным судьёй. Интерес к исследованию реальной личности на фоне исторического потока – давняя традиция исторической прозы. Но особую остроту эта проблема приобрела в 70–80-х годах прошлого столетия, когда большое распространение получили представления об утрате общественной роли личности и ее обесценивании [6, с. 352].

Для художественной структуры таких произведений характерна локализация действия на судьбе одного или нескольких героев – реальных исторических личностей, почти обязательное включение их «духовных» биографий, особая конденсация и смысловая ёмкость сюжета. Таким образом, в фокусе внимание писателей оказывается не панорамный охват жизни, а процесс развития сильного характера – эпического центра повествования. Но его исследование является не самоцелью (как в биографическом романе), а некой точкой опоры, позволяющей через частное, исторически обусловленное осмыслить глубокие морально-психологические и социальные коллизии эпохи, поставить глобальные проблемы человеческого бытия. И здесь решающее значение приобретает масштабность мышления писателя, его способность видеть историческую перспективу, вписать личность в мировой контекст.

Интерес к духовной жизни отдельного человека, становлению его характера способствовал лиризации, психологизации романа, усилению его внутреннего драматизма. Повествование монологизируется, появляются такие жанровые модификации, как роман-исповедь, роман-размышление. И всё чаще художественный конфликт произведения переносится в сферу сознания, а герой, оказавшись в конфликтных ситуациях эпохи, проявляет склонность к самоанализу, рефлексии и «реализует себя как личность не столько в сфере действия, сколько в области мысли. Его основные жизненные цели... диктуются не давлением внешних обстоятельств и личными мотивами, а соображениями высшего интеллектуального порядка» [7, с. 518].

Появление типа «героя-мыслителя», «героя-преобразователя» связано с необходимостью осмысления сложных проблем современной автору действительности. С этим же процессом Д.В. Затонский связывал и другую тенденцию в романе тех лет, наглядно проявившуюся в анализируемом здесь произведении, – бурное развитие документализма, «литературы факта», в результате чего произошло переосмысление самого понятия «литературный тип». В характерах и сюжете современного романа, пишет Д.В. Затонский, возрастает «удельный вес материала, взятого из индивидуальной, невыдуманной человеческой жизни...». Но при этом документ, подвергаясь образной обработке, не мешает, а способствует утверждению типичности создаваемого образа или обстоятельств, поскольку их типичность – «в органичности, глубинности, диалектичности... связей с социальной действительностью, с историей» [8, с. 162].

Действительно, в историческом романе тех лет роль фактического материала неизмеримо возросла. Произошло столь органичное слияние документа и беллетристики, что определение границы между историческими реалиями и вымыслом требует подчас дополнительного исследования. Пути достижения такого синтеза и функции документа в каждом отдельном произведении различны и определяются идейно-эстетической установкой писателя, его концепцией истории. Но, сочетая художественную и документальную образность, автор выходит на новую форму обобщения – через частное и документально точное он выявляет общее, кардинальные проблемы бытия.

Результатом взаимодействия двух рассмотренных тенденций – субъективности и документальности повествования – является преломление в сознании современника исторически точно воссозданных моментов социально-политического и военного конфликта, когда писатель скрупулёзно восстанавливает ход событий, но их восприятие и осмысление происходит опосредованно – через индивидуальное сознание героя.

Существовавшие документы о битве не позволяли проникнуться мироощущением тех дней, поэтому М. Шеара решил обратиться к мемуарам и переписке участников тех событий. В обращении к читателям, предваряющим повествование, он пишет, что при создании романа руководствовался теми же мотивами, которые в своё время побудили Сти-

вена Крейна написать «Алый знак доблести» (1894–1895). Ему недостаточно было читать исторические хроники, *«он хотел знать, как это было, какая была погода, какими были лица людей. Но для того, чтобы прочувствовать всё это, он должен был об этом написать»* [9, р. iii].

Стремление сохранить ощущение личностного, глубоко индивидуализированного восприятия событий и, в то же время, добиться полной корреляции героев романа с исторически объективной хроникой тех лет, осмысленной с позиций современности, определило задачи, стоявшие перед писателем, и приёмы их художественного воплощения.

Для своего произведения М. Шеара избрал форму, имитированную под документальное повествование. Стилизация под размышления современников, участников событий – это форма фиктивной документальности, известная ещё с XVIII в. Используя заложенные в ней изначально возможности создания иллюзии достоверности изображаемого, писатель не только не нарушает её, но и стремится внести новые элементы. Ими являются вынесенные в предисловие развернутые портретные характеристики и биографические данные героев, экспозиция и эпилог. Формально уточняя или опровергая художественный образ, они фактически являются ещё одним пластом повествования, создающим прочную основу для психологического художественного исследования. Имея не поверхностное, а углублённое представление о действующих лицах романа, читатель может самостоятельно вывести внутреннюю мотивировку их поступков, закономерности поведения в экстремальных условиях войны.

В экспозиции автор уточняет социально-политическую ситуацию в стране, дислокацию армий к началу битвы. Характерной чертой поэтики романа является хроникальный принцип построения. Хотя действие романа охватывает всего четыре дня, с первой же главы оно строго хронометрируется и, таким образом, локализуется во времени и пространстве. Его развитие следует за ходом истории, то ускоряя, то приостанавливая своё движение. В ряде случаев темп значительно замедляется, что вызвано приёмом симультанного изображения событий, значительно расширяющим панорамность их видения.

Главы романа построены как размышления военачальников Севера и Юга (Ли, Лонгстрит, Мид, Чемберлен и др.) и раздумья автора о своих героях. Отдельные эпизоды каждого дня «проигрываются» неоднократно с разных точек зрения и представляют собой пласты индивидуально пережитого. Но все вместе они создают объективную картину изображаемой действительности и позволяют проникнуться нравственно-психологическим климатом эпохи. При этом М. Шеара пытается за конкретными фактами и историческими персонажами увидеть нечто большее – осмыслить сущность человека как субъекта истории, детерминированность его судьбы социально-политическими коллизиями. Размышляя о моральных основах современного общества, о будущем нации, писатель пытается охватить мысленным взором весь исторический путь американского государства, чтобы найти правдивые ответы на волнующие его вопросы. Подчеркивая, что история постоянно трансформируется, приобретает новые качества, автор высказывает мысль о том, что нравственная зрелость общества достигается лишь путём усвоения исторического опыта нации, завоеваний предшествующих поколений.

В этом отношении показателен один из монологов автора о Джошии Лоренсе Чемберлене, военачальнике северян: *«Он вырос с верой в Америку и человека, и эта вера была сильнее его веры в бога. Для него это была земля, на которой никому не нужно кланяться. Здесь человек мог чувствовать себя свободным от прошлого, традиций и кровных уз, свободным от того проклятия, олицетворением которого стала королевская власть, и где он мог стать тем, кем мечтал. Это была первая страна на земле, где человек значил больше, чем государство. Здесь зародилась подлинная свобода, которая, очевидно, станет достоянием всех. Но истоки её находятся здесь. Сам факт рабства, его распространения на этой необыкновенно прекрасной, новой, но родной земле был отталкивающим, но ещё отвратительнее был лик старой Европы, проклятие, заключённое в аристократизме, который Юг перенес на эту землю. Юг создал новую аристократию, новую породу блестящих щёголей, и Чемберлен пришел, чтобы сокрушить их. Но сражался он прежде всего за достоинство человека, а значит и за самого себя»* [9, р. 29–30].

В этом пространном монологе, навеянном определёнными сюжетными коллизиями, писатель выходит за рамки конкретной исторической ситуации и поднимается до глубоких нравственно-этических обобщений. Характеристика отдельной личности превращается в своеобразный гимн Новому свету, в котором выражено отношение автора к моральным основам американского общества, возможностям реализации «американской мечты». Но и это не всё – здесь чётко определены нравственные приоритеты, позволяющие за национальным увидеть общечеловеческое. М. Шеара обращается к тем категориям, которые не меняются на протяжении тысячелетий, остаются одинаковыми для человека любой эпохи. Он делает своего героя ближе читателю, поскольку приобщает его к размышлениям о проблемах бытия, актуальных для всех времен и народов.

Переломный характер битвы при Геттисберге обуславливает трагизм военного конфликта романа. Честолюбие главнокомандующего армией южан генерала Ли и молчаливое согласие Лонгстрита обрекли на полное уничтожение их армию. Но из диалектического единства обстоятельств и характеров автор выделяет второе, фокусируя внимание на индивидуальной психологии исторической личности. Этим объясняется наличие в романе не только событийной кульминации, но и психологической, сопряжённой с кризисным для героев разладом со своей совестью, потерей морального равновесия. Индивидуальное мировосприятие героев раскрывается в варьируемых писателем исторических ситуациях битвы, сохраняющих свою конкретную внутреннюю сущность и, в то же время, являющихся вариантом более общей категории явлений – война, насилие, нетерпимость. И расставленные автором акценты связывают развязку романа именно с психологической кульминацией.

М. Шеара достигает яркой образности, впечатляющей глубины исследования факта и многозначней его философской обобщенности. Этой цели подчинены и система образов, и сама художественная структура произведения. Личность романиста становится связующим звеном между событиями прошлого и современностью. Публицистически звучащие монологи несут в себе пафос авторского отрицания насилия и жестокости, его озабоченности социально-политическими проблемами нации.

Гражданская война и её последствия – в широком идеологическом и психологическом плане – становятся проблемной доминантой выбора героями социально-нравственной позиции и жизненного поведения. При этом важной чертой представляется то внимание, которое автор уделяет общественной обусловленности внутреннего мира героев, их социальной детерминированности.

Список использованных источников

1. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В.В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
2. Leigh P. Making “Killer Angels” [Electronic resource] / Phil Leigh. – The New York Times. ‘Opinionator’ – June 28, 2013. – Access mode: <http://www.opinionator.blogs.nytimes.com/2013/06/28/making-killer-angels> (last access 29.10.2017).
3. Cullen J. “The Killer Angels” and the Vietnam War: A Reusable Past [Electronic resource] / Jim Cullen // The Civil War in Popular Culture. – The Amazon Book, 1995. – Access mode: <https://www.enotes.com/topics/killer-angels/critical-essays/essays> (last access 29.10.2017).
4. Nicholson A. A Critical Analysis of the “Killer Angels” [Electronic resource] / Andrea Nicholson, – Writing Paper 2. – October 7, 2015. – P. 1–8. – Access mode: http://commons.vccs.edu/student_writing/2 (last access 29.10.2017).
5. Smithpeters, J. To the Latest Generation: Cold War and Post Cold War U.S. Civil War Novels in their Social Contexts / Jeff Smithpeters // Doctoral dissertation. – Louisiana: Louisiana State University, 2005. – 268 p.
6. Уоррен Р.П. Как работает поэт. Статьи, интервью: сборник / Р.П. Уоррен; пер. с англ.; сост. и послесловие А.Н. Николюкина. – М.: Радуга, 1988. – 544 с.
7. Литература США XX века: Опыт типологического исследования. Авторская позиция, конфликт, герой / отв. ред. Я.Н. Засурский. – М.: Наука, 1978. – 565 с.
8. Затонский Д.В. Роман и документ / Д.В. Затонский // Вопросы литературы. – 1978. – № 12. – С. 136–162.

9. Shaara, M. *The Killer Angels (Civil War Trilogy)* / M. Shaara. – N.Y.: David McKay Co., Inc., 1974. – 374 p.

References

1. Serov, V.V. *Encyclopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic dictionary of winged words and expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2005, 880 p.
2. Leigh, P. Making "Killer Angels". In: *The New York Times*. 'Opinionator', June 28, 2013. Available at: <http://www.opinionator.blogs.nytimes.com/2013/06/28/making-killer-angels> (Accessed 29 October, 2017).
3. Cullen, J. "The Killer Angels" and the Vietnam War: A Reusable Past. In: *The Civil War in Popular Culture*. The Amazon Book, 1995. Available at: <https://www.enotes.com/topics/killer-angels/critical-essays/essays> (Accessed October 29, 2017).
4. Nicholson, A. A Critical Analysis of the "Killer Angels". Writing Paper 2. October 7, 2015, pp. 1–8. Available at: http://commons.vccs.edu/student_writing/2 (Accessed October 29, 2017).
5. Smithpeters, J. *To the Latest Generation: Cold War and Post Cold War U.S. Civil War Novels in their Social Contexts*. Dr. philol. sci. diss. Louisiana, Louisiana State University, 2005, 268 p.
6. Warren, R.P. *Kak rabotayet poet. Ctatji, intervyyu. Sbornik* [Understanding Poetry]. A.N. Nikolukin (ed.). Moscow, Raduga Publ., 1988, 544 p.
7. Zasursky, Y.N. (Ed.) *Literatura SSHA 20 veka: Opyt tipologicheskogo analiza / Avtorskaya pozitsiya, konflikt, geroy* [The Literature of the USA of the 20-th century: An Attempt of the Typological Analysis / The Author's Standing, the Conflict and Character]. Moscow, Nauka Publ., 1978, 565 p.
8. Zatonsky, D.V. *Roman i document* [The Novel and the Document]. *Voprosy literatury* [Questions of the Literature], 1978, no. 12, pp. 136-162.
9. Shaara, M. *The Killer Angels (Civil War Trilogy)*, N.Y., David McKay Co., Inc. Publ., 1974, 374 p.

У статті аналізується одна з особливостей розвитку епічної структури історичного роману 70–80-х років минулого століття, пов'язана з тенденцією до розвитку так званого «доцентрового» типу оповідання, посилення в ньому особистісного начала, коли окрема особистість стає суб'єктом історії, її головним суддею. Ця тенденція досліджується на прикладі роману американського письменника Майкла Шеари «Ангели вбивці», який у 1975 р. був відзначений Пулітцерівською премією.

Ключові слова: доцентрове оповідання, історична особистість, епічна структура, документ, жанрова модифікація.

The article analyses one of the peculiarities of the epic structure of the historical novel of the 70–80s of the previous century, connected with the tendency towards the development of the so-called 'centripetal' type of narration, the emphasis on individualistic nature, when an individual becomes the subject of history, its main judge. This tendency is analyzed by the example of the novel 'The Killer Angels' by the American writer Michael Shaara who was awarded the Pulitzer Prize in 1975.

Key words: centripetal narration, historical personality, epic structure, document, genre modification.

Одержано 25.10.2017